

РАЗДЕЛ III

ПОРТРЕТЫ И СУДЬБЫ

РАККИЕ СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ ВЯТСКОГО РОДА СУНЦОВЫХ

Р. С. Шиляева

Полная история вятского рода Сунцовых ещё не написана. На сегодня наиболее давняя информация, выявленная по истории рода, относится к первой четверти XVIII в., она содержится в материалах 5-й ревизии на май 1795 г.¹

Егор Силин сын Сунцов значится в ревизской сказке о черносошных крестьянах деревни Горбушинской Заякимчевской пятидесятки Подгородной волости Берёзовского тяглова стана Вятской округи Вятского наместничества. По предыдущей ревизии 1782 г. ему было 56 лет, до 5-й ревизии он не дожил, умер в 1784 г. Жена Егора Сунцова, Федора Иванова дочь Дуркина, была родом из села Архангельского Сторожевского десятка Филипповой слободки и тоже происходила из черносошных крестьян. По предыдущей ревизии ей было 55 лет, она тоже умерла, четырьмя годами позднее мужа, в 1788 г. У них остались двое детей. Сын Андрей, родившийся около 1762 г. (по ревизии 1782 г. ему было 20 лет) был «исключён по указу Вятского нижнего земского суда в 1784 г. в вятское мещанство». А дочь Дарья, двумя годами старше брата (по ревизии 1782 г. ей

было 22 года), была к тому времени «выдана в замужество» за нолинского мещанина Егора Булычёва². Таким образом, в деревне Горбушинской к 1795 г. никого из семьи не осталось.

Судя по этой записи, Егор Силин сын Сунцов родился около 1726 г. и женился не позднее 1759-го. Всю жизнь состоял в крестьянском сословии и, похоже, воспитал в сыне стремление к повышению своего статуса. Недаром Андрей Егорович в довольно молодом ещё возрасте перешёл в мещанское сословие. Это был серьёзный шаг к последующим изменениям в истории рода.

Ревизская сказка о мещанах г. Вятки на 1795 г., куда вписали перечисленно из крестьян Андрея Сунцова, содержит несколько иные биографические сведения. Андрей Егоров сын Сунцов показан на 3 года моложе, на момент ревизии ему 30 лет. Здесь также указано, что он причислен в вятские мещане по указу Вятского наместнического правления в 1788 г. По-видимому, от принятия решения нижним земским судом до наместнического указа прошло целых 4 года. Сведения о возрасте матери и дате её смерти тоже несколько отличаются от ревизской сказки, составленной на месте их прежнего жительства. Зато эта сказка даёт сведения о семье самого Андрея Егоровича. К этому времени он не менее 5 лет женат на

Наталье Яковлевне Вшивцовой, дочери крестьянина Вятской округи Спенчинского стана. И у них уже есть 2 дочери: Пелагия 4 лет и Дарья 1 года³. Возможно, вписанный в ту же сказку Семён Яковлевич Вшивцов, 38 лет, перечисленный в вятские мещане из дер. Гороховской Спенчинского тяглова стана Вятской округи в 1794 г. — брат его женьг⁴.

Если верить ревизской сказке 1816 года, Андрей Егоров умер в 1814 г. Он не дожил и до 50-летнего возраста. У него осталась довольно молодая (вторая) жена и трое малых детей. Ко дню ревизии дочери Марье было 14 лет, а сыновьям Степану и Михайле — соответственно 6 лет и 2 года⁵.

Представитель следующего поколения, Степан Андреевич, когда ему было 30 с небольшим лет, делает ещё один шаг. В 1842 г. он записывается в вятское купечество, сначала 3-й, затем 2-й гильдии. В ревизскую сказку о купцах г. Вятки 1850 г. С. А. Сунцов внесён под № 2. Ему 40 с половиной лет. У него большая семья: жена Алимпида Ивановна, 36 лет, трое сыновей: Василий 19 лет, Павел 17 ? лет и Александр 11 лет и четыре дочери: Елисавета 17 лет, Анна 14 ? лет, Александра 12 лет и Юлия (Иулия) 5 лет⁶.

Брат Степана Михаил Андреевич по-прежнему записан в мещанском сословии. В ревизской сказке 1850 г. о мещанах г. Вятки он значится под № 235, ему 36 лет⁷.

Средний сын Степана Андреевича Павел выбрал для себя иной путь, он получил высшее образование, был исключен из купеческого звания и сделал успешную карьеру на медицинском поприще. Похоже, что он интересовался не только медициной. В очерке П. В. Алабина по исто-

рии Вятского публичного музея в описании второго отдела музея, где были собраны полезные ископаемые и образцы изделий уральских заводов, названы «образцы каменного угля, найденного доктором медицины Сунцовым на берегу р. Камы, в Вятской губернии»⁸.

А старший и младший сыновья продолжили дело отца и подняли его на новую высоту. При этом Александр выделился из семейства, объявив особый капитал. Встретились данные, что в 1891 г. вятский купец Александр Степанович Сунцов пожертвовал на устройство общежития при Вятской Мариинской женской гимназии 50 руб.⁹ Это наверняка было не единственное пожертвование. Впоследствии его заслуги на благо общества были отмечены. 1 января 1897 г. ему была пожалована золотая медаль с надписью «За усердие» для ношения на шею на Владимирской ленте¹⁰.

В конечном счете от раздела капитала не пострадал и семейный бизнес, в 1871 г. Василий и Александр Степановичи Сунцовы основали Торговый дом В. и А. Сунцовых. В списке для указателя действующих в Империи акционерных предприятий по Вятской губернии он значится под № 1¹¹. Род деятельности — клеваренный и мыловаренный заводы, москательная торговля. После смерти Василия Степановича партнёром Александра стал сын Василия Владимир. Капитал Торгового дома на 1909 г. составлял 20 тыс. руб.

О жизни Владимира Васильевича, технолога по образованию и роду деятельности, известно достаточно. Мне хочется отметить только, что он получил сначала личное почётное гражданство, затем стал потомственным почётным гражданином, сделав тем самым

ещё два шага, созвучные времени, на пути восхождения рода¹².

Так на протяжении всего четырёх поколений выходцы из крестьянского рода Сунцовых поднялись сначала в мещане, затем в купечество, и далее до потомственного почётного гражданства. Расширяли своё дело, брались за новые занятия. Деловая хватка, желание упрочить своё положение, поощрение стремления к образованию, новые начинания – всё это способствовало успеху. Немалую роль сыграло, очевидно, и укрепление родственных отношений с местным купечеством и чиновниками. Среди известных на Вятке фамилий, с которыми породнились Сунцовы, есть купцы Бакулевы, Клобуковы, Колотовы, Овечкины, Савинцовы, Хохлаковы, Швецовы, чиновники Больманы, Клименко, Ливановы, Ложкины, Третьяковские, Шляпниковы и др.

Возможностей для дальнейшего изучения истории вятского рода Сунцовых достаточно много и в документах ГАКО, и в печатных источниках. В частности, не исследованы самые ранние из имеющихся в архиве документов – исповедные росписи. Требуется изучения предпринимательское дело, в частности, история завода Сунцовых, а также благотворительная деятельность, в которой принимали участие и представители женской половины рода.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Любимов В. А. Старая Вятка: Квартал за кварталом. Ч. 1 : Начало. Изд. 2-е, испр., доп. Киров, 2007. См. Указатель имён.

² ГАКО. Ф. 176. Оп. 2. Д. 22. Л. 27 об. (нумерация листов по ревизской сказке).

³ Там же. Д. 13. Л. 214–214 об.

⁴ Там же. Л. 650.

⁵ Там же. Д. 402. Л. 26.

⁶ Там же. Д. 966. Л. 8.

⁷ Там же. Л. 109 об.

⁸ Там же. Ф. 574. Оп. 1. Д. 1114. Л. 78.

⁹ Там же. Ф. 213. Оп. 1. Д. 362. Л. 18 а.

¹⁰ ВГВ. 1897. 11 янв. (№ 4). С. 7.

¹¹ ГАКО. Ф. 628. Оп. 5. Д. 116. Л. 40, 59, 198, 266, 282–283 об.

¹² Там же. Оп. 8. Д. 5. Л. 43, 322.

ПЕДАГОГ, ГУМАНИСТ И ОБЩЕСТВЕННЫЙ ДЕЯТЕЛЬ

(К 100-летию со дня рождения Е. Я. Целищева)

И. А. Повышев

Есть личности в нашей истории, чьи имена не так широко известны в России, но которые своим трудом, подвижнической деятельностью, жизненным и ратным подвигом оставляют заметный след в судьбе своей малой Родины, в просветительском и интеллектуальном развитии целых поколений своих соотечественников, земляков и учеников. К таким ярким личностям, внесшим значительный вклад в развитие культурного, образовательного и интеллектуального потенциала вятского города Слободского, относится и наш земляк – педагог, гуманист и патриот земли вятской – Емельян Яковлевич Целищев (1909–1988).

Родился Емельян Яковлевич в простой крестьянской семье Орловского уезда Вятской губернии (ныне Оричевский район Кировской области). После окончания Орловского реального училища, Вятского педагогического института, а позже и курсов повышения квалификации преподавательского состава Ленинградской академии физической культуры им. П. Ф. Лесгафта работал преподавателем общеобразовательных

дисциплин в средних учебных заведениях области. В 1930 г. по разрядке губернского отдела народного образования был направлен на преподавательскую работу в среднюю школу № 7 г. Слободского, где проработал многие годы.

Будучи участником Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., Е. Я. Целищев в составе действующей армии Ленинградского фронта принимал непосредственное участие в обороне Ленинграда и в боевых действиях по освобождению стран Восточной Европы от немецко-фашистских захватчиков. Был дважды ранен и закончил войну в Чехословакии в звании капитана Советской Армии. За боевые заслуги перед Родиной отмечен правительственными наградами: орденами Красной Звезды, Отечественной войны I и II степеней, а также медалями «За оборону Ленинграда», «За освобождение Праги», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» и др.

После демобилизации из Вооружённых Сил и возвращения в Слободской в родную школу № 7 Е. Я. Целищев активно включается в преподавательскую работу и общественную жизнь школы и города. Он много делает по укреплению и развитию физкультурного движения и спорта в своём городе. При его непосредственном участии в Слободском оживились и получили массовое развитие такие наиболее любимые горожанами виды спорта, как лыжный, конькобежный, легкая атлетика, а также многие игровые дисциплины. Настоящими спортивными праздниками городского и районного масштаба стало проведение Дня физкультурника и открытие зимнего спортивного сезона, в которых принимали участие спортивные команды и

коллективы практически всех промышленных предприятий и организаций города и района. Важное значение придавалось массовости и хорошей организации проводимых соревнований, что всегда привлекало на Центральный стадион и спортивные площадки города большое количество зрителей и болельщиков и создавало атмосферу настоящего народного праздника. Ещё в довоенные годы по инициативе и непосредственном участии Е. Я. Целищева была основана и сформирована Слободская детско-юношеская спортивная школа, где на общественных началах он был назначен первым её директором и тренером. Благодаря энтузиазму, педагогическому таланту преподавательского и тренерского состава, поддержке городских властей эта масштабная культурная программа физического воспитания в городе была во многом реализована, и школа с годами становится настоящей кузницей спортивных кадров. За 70 лет здесь подготовлена целая плеяда спортсмен-разрядников высшей квалификации: от мастеров спорта до заслуженных мастеров по различным видам спорта, включая чемпионов города, области, России, СССР, Европы и мира.

В начале 50-х годов руководство г. Слободского назначает Е. Я. Целищева завгоротделом по физической культуре и спорту. Это было трудное для страны послевоенное время, когда нужно было поднять спортивный и моральный дух у подрастающей молодёжи, сориентировать и нацелить её на освоение и восприятие новых, более актуальных и жизненно важных в то время, духовных и нравственных ценностей. На новом посту Е. Я. Целищев проводит огромную работу по организации и

развитию физической культуры и спорта на предприятиях и заводах города и района. Существенно активизировали свою воспитательную работу среди учащейся и рабочей молодежи многие спортивные общества и спортклубы. Буквально за несколько лет г. Слободской становится одним из ведущих спортивных центров Вятского региона. Спортивные команды заводских коллективов и обществ всё чаще стали завоевывать призовые места в крупнейших спортивных мероприятиях и привозить в свой город победные кубки, дипломы, грамоты и медали, отражающие закономерные успехи развивающегося физкультурного движения тех далёких лет. Появились первые свои чемпионы и рекордсмены областного, всероссийского и всесоюзного уровня. Эти успехи нашей молодежи широко освещались городскими и областными средствами массовой информации тех лет. За большой вклад в развитие массового физкультурного движения среди учащейся и рабочей молодежи, а также за заслуги в деле воспитания молодого поколения тех трудных послевоенных лет Е. Я. Целищев был награждён Почетным знаком Совета Министров страны «За развитие физической культуры и спорта в СССР» и правительственной медалью «За трудовую доблесть».

Учитывая многолетний педагогический опыт и яркие организаторские способности, а также умение работать с людьми, Емельян Яковлевич в конце 50-х годов был назначен заместителем председателя Слободского городского совета депутатов трудящихся, где в течение нескольких лет занимается вопросами восстановления и развития послевоенного городского хозяйства, а также

решением конкретных задач построения цивилизованного гражданского общества. Уже позже, в 1960-е гг., были и другие рабочие назначения на не менее важные и ответственные руководящие должности: директором райпромкомбината, начальником Слободской автоколонны, руководителем городского историко-краеведческого музея и Слободского отделения Всесоюзного общества по охране исторических памятников. И везде, на каком бы посту Е. Я. Целищев не находился, какие бы стоящие перед ним задачи не решал, он всегда с исключительной ответственностью относился к порученному делу и стремился доводить решаемые вопросы до конца. При этом характерной чертой стиля его руководства всегда была высокая принципиальность в принятии важнейших для города решений и уважительное от-

Старший лейтенант Е. Я. Целищев

ношение к своим подчиненным и коллегам по работе. И все же, главной вершиной творческой судьбы и трудовой деятельности Е. Я. Целищева стало преподавательское дело и профессия педагога. Многие годы он возглавлял физкультурное движение в своем городе, длительное время работал простым школьным учителем физического воспитания, руководил Слободской ДЮСШ и городским комитетом по физической культуре и спорту. И сегодня, глядя через призму времени, мы все понимаем, что даже тогда, более чем полвека назад, ещё в той действующей системе координат духовных и нравственных ценностей, он был педагогом и гуманистом с большой буквы. Весь свой талант и свои организаторские способности в сочетании с исключительной работоспособностью Е. Я. Целищев положил на алтарь развития физической культуры города, которая уже при нём вышла на рубежи всесоюзного и международного уровня. И в этом плане древний вятский город Слободской стал для него его судьбой и своеобразным «вечным городом», которому он был беззаветно предан и которому посвятил всю свою творческую жизнь педагога и гражданина. При этом он полностью и достойно прошёл всё то, что выпало на его долю и его родного города в непростом XX в. Е. Я. Целищев навсегда остался верным сыном своего Отечества и служил ему верой и правдой до последнего вздоха. Именно таким он останется в нашей памяти у всех его учеников и современников, знавших его и прошедших школу нравственного и физического воспитания. И в этом нам видится не только уважение к нашей истории, но и особая признательность ко всем нашим предшественникам, к тем, кто пе-

редал эстафету знаний нам, поколению XXI в., чтобы мы сохранили и обогатили этот бесценный опыт и передали свет полученных знаний уже следующим поколениям наших земляков.

КРЕСТЬЯНСКОЕ ДЕТСТВО 1920-х ГОДОВ **Автобиография В. П. Двоеглазова**

Двадцатые и тридцатые годы прошлого столетия отразил в своих заметках уроженец д. Селюнинцы (ныне в Нолинском районе) Владимир Петрович Двоеглазов (1918–1987). Для меня не составило большого труда привести эти заметки в тот вид, который бы отвечал требованиям краткого и полного их содержания. Представляет интерес упоминание в них о писателе Андрее Дмитриевиче Блинове (17.09.1918–29.01.1996), который в 1935 г. начинал заведовать в с. Татаурове районной библиотекой и относился к своему делу с любовью.

Сам В. П. Двоеглазов в 1941 г. ушёл из с. Татаурова в ряды Красной Армии, вернулся в возрасте 29 лет. Был избран народным судьёй Татауровского района, где работал до 1954 г. Два года Двоеглазов находился в должности заведующего организационным отделом райкома КПСС. Когда в 1956 г. был ликвидирован Татауровский район, В. П. Двоеглазова избрали заместителем председателя Сунского райисполкома. Позже был избран председателем колхоза, но вновь ненадолго, и он вернулся на должность заместителя председателя. В 1959–1976 гг. В. П. Двоеглазов бесценно руководил сначала колхозом им. Калинина, затем совхозом «Курчумский». Награждён орденом Ок-

тябрьской революции, многими медалями. За всю трудовую жизнь он не написал ни одного заявления о приёме на работу, а работал там, куда его посылал и комсомол и партия, как он сам признавался. Умер В. П. Двоеглазов 24 ноября 1987 г. Похоронен на кладбище с. Курчум.

В 1986 г. В. П. Двоеглазов по просьбе своих знакомых написал эти заметки.

Публикацию подготовил
В. И. Измestьев

Я родился 15 июля 1918 года в деревне Селюнинцы Татауровской волости Нолинского уезда Вятской губернии. Как себя помню, начал я работать, конечно же, по своим способностям, примерно в пять лет. Это начало обычного «трудового стажа» для всех моих сверстников. Участвовали в посеве хлебов: отец посадит на лошадь верхом, так и боронишь пашню целый день, а отец разбрасывает из сетева зёрна и следит за качеством своей работы. Начинали работать с восходом солнца (ох, как не хотелось вставать в такую рань!), а заканчивали работу с заходом солнца. Как мы ждали этого!

После весенней посевной начинался сенокос. Наша детская работа заключалась в раскидывании скошенной травы за косцами, чтобы она быстрее высохла. Обычно сразу после сенокоса начинали жать рожь и молотить её на семена. Процесс такой: ставили на гумне борону вверх зубьями и колосьями снопа хлестали по бороне. Обмолотки складывали в отдельную скирду, а зимой перемолачивали.

С началом сенокоса, чтобы сэкономить корма, лошадей на ночь выгоняли в выгон, на нашем семейном единоличном дворе их было три. Лошадей никто

не охранял, так как выгоны обносились изгородью. А запомнилась мне самая интересная и самая трудная работа – ходить утром за лошадьё. Разбудят тебя до восхода солнца, берёшь узду, ломоть хлеба и, полусонный, идёшь искать лошадь в лесу. Лошадь у нас была своенравная. В выгоне её никто, кроме меня, поймать не мог. Позову её к себе, а как обуздать – одна морока – голову лошади достать не могу! Мал ещё. Потом приспособился – накрошу хлеба на землю, лошадь начинает их подбирать. Я в это время надену узду, обнимаю голову лошади, она голову поднимет – и я на спине лошади, можно ехать домой. Норовистых лошадей в нашей деревне Селюнинцы было три, и их хозяева обращались ко мне. Я, конечно же, не сразу соглашался, а выторговывал то пару конфеток, то пряник, шёл следом за хозяином. Хозяин стоял в стороне, а я ловил лошадь, подводил её к хозяину, выманивая от него скромное вознаграждение. Я очень радовался тому, что лошади меня не боятся и позволяют без всяких лишних хлопот ловить их.

Поспевала рожь. Детям также приходилось её жать: в магазинах продавались специальные детские серпы. Снопы ставляли в бабки; когда они высохали под жарким солнцем, их на лошадях возили на гумно и хвостали на семена. Это было только начало самой горячей поры: надо было быстро сжинать рожь, пахать под озимой [так в тексте] сев и сеять рожь под урожай следующего года. Свидетельством напряженности этой работы была поговорка: «Если в озимовую упадёт с головы шапка, не останавливайся, подберёшь её после работы».

В 1924 году мне исполнилось шесть полных лет. Что было делать мне 1 сен-

тября, если моя старшая сестра в девять полных лет пошла в школу? Я тоже побежал за сестрой. Первую неделю я смиренно сидел за партой, никому не мешал, но учеником меня не признавали. Подходит ко мне учительница и спрашивает: «Почему ты маленький такой в школу ходишь?» Я обманул, сказав, что мне уже восьмой год. Учительница велела принести справку из Татауровского волысполкома, тогда и зачислит меня в ученики. Я побежал в волысполком, секретарь Яков Саков расспросил меня, для чего нужна справка, улыбнулся, справку написал, что я родился не в 1918 году, а двумя годами раньше. Посмеялся Яша вослед. Так я начал по-настоящему учиться. Окончил начальную школу в 1928 году, в десять лет. В этом году в селе Татаурово открыли школу крестьянской молодёжи, или сокращённо ШКМ. Но меня по возрасту опять не согласились принимать. Я в очередной раз пошёл к Яше Сакову, он снова написал мне справку, что я родился уже не в 1916 году, в один год со своей старшей родной сестрой! И опять я обманом попал в ученики. В ШКМ мы проучились три года и окончили её в 1932 году. В школе мы подробно изучали колхозное счетоводство, сельскохозяйственные машины: плуг, борону «зигзаг», жатку, молотилку, сенокосилку. При школе имелась хорошая столярная мастерская, где мы научились делать табуретки, столы, деревянные грабли и вилы. При школе содержались две коровы, четыре свиньи, имелся хороший участок земли. Всю работу воспитанники школы брали на себя. За скотом ухаживали по очереди. Правда, коров доили техслужащие.

Ещё в 1929 году в селе Татаурове и окрестных деревнях начиналась коллек-

тивизация. Нас, учащихся, посылали агитаторами. Представьте, мне всего одиннадцать лет и я в числе двух-трех агитаторов собираю собрания, меня внимательно слушают крестьяне. Заявления от вновь вступивших в колхоз мы сдавали в Татауровский сельский совет.

В 1932 году я окончил школу крестьянской молодёжи. Всех учащихся комсомольцев вызвали в райком комсомола, который находился в селе Суна. С каждым из нас побеседовали и объявили, кто куда идёт работать. В основном направляли учителями начальных классов. А меня, как недоростка, направили работать секретарём Татауровского сельского совета. С 1934 года и начал отмеряться мой настоящий трудовой стаж. Я до сих пор с благодарностью вспоминаю председателя сельсовета Кондрата Павловича Сидорова за то, что он приучил меня к трудовой дисциплине.

Летом 1934 года я встретился со своим другом Иваном Титовым, решили учиться в городе Нолинске, в школе второй ступени. Эта школа давала законченное среднее образование. Я написал заявление об увольнении с работы. Меня отпустили совсем. Пошли мы с Иваном в Нолинск. Директор школы нам объяснил, что в школу нас примут, но места в общежитии и стипендии не будет, так как мы связаны с сельским хозяйством. Вышли за город, увидели стои свежего сена. Забрались в стог, переночевали и... на этом закончилось продолжение нашего дальнейшего образования.

Меня сразу избрали счетоводом колхоза имени Школы крестьянской молодёжи – вот такое длинное название. Счётной работы было мало: справлялся, пока члены колхоза в обед или вечером кормили лошадей.

В 1935 году образовался Татауровский район. Наш сосед Лужков предложил мне работать с ним в лесхозе. Весной мы отводили по две лесосеки, а осенью принимали заготовленные дрова. Свободного времени было много. Рядом от лесхоза открылась Татауровская районная библиотека, заведовал которой молодой в ту пору Андрей Блинов (когда я пишу эти заметки – напомним, на дворе 1986 год – и об Андрее Дмитриевиче Блинове, который живёт в Москве, пишут в газетах, что он известный писатель).

Всякий раз на подводе (конным транспортом, другого в селе Татаурове не было) привозили много посылок с книгами. Помогал переносить их с почты в библиотеку Андрею Блинову я, за это все самые интересные книги брал без очереди. Читал, как говорят, запоем, часто до самого утра. От переутомления мне стало плохо. Фельдшер медпункта, бывший ссыльный белорус Александр Васильевич Мозоль, узнал, в чём же дело, – и сказал мне строго: «Запрещаю тебе читать три месяца!» Я пошёл в библиотеку, помог будущему писателю Андрею Блинову перетаскать с почты посылки с книгами. Я отложил одну из них, но Блинов её отобрал, заявив, что Мозоль запретил давать мне книги. Я пошёл в раймаг, там книгами торговал Степан Кальсин. Я хотел купить книгу у него, но продавец ответил: «Книги продавать тебе запретил фельдшер Мозоль». (Вот такой авторитет был у медицинского работника!)

В 1937 году в селе Татаурове организовался районный лесхоз: меня перевели счетоводом туда, где я работал до марта 1939 года. Тогда действовал закон, по которому за опоздание на работу на двадцать минут работник подлежал увольнению. Именно в мартов-

ский день я проснулся позже обычного и опоздал на работу на целый час да ещё по дороге попался на глаза районному прокурору. Меня тут же рассчитали. В райпотребсоюзе меня принял главный бухгалтер Василискин и в тот же день предложил приходить к нему бухгалтером. А дома меня ждала повестка явиться в райком комсомола, где нас набралось до пятнадцати комсомольцев: нам объяснили, что Татауровский район не выполняет план лесозаготовок. Отработали по месяцу на лесозаготовках и вернулись домой. Я заглянул в райком комсомола и спросил, что же мне делать дальше. Секретарь Домнин сказал: «Состоялось решение бюро, и тебя направили работать в райпотребсоюз». Так я оказался «в чине» бухгалтера-ревизора, где и проработал до сентября 1939 года, а в сентябре был призван в Красную Армию. На целых восемь лет я распрощался с малой родиной – селом Татаурово.

ШТРИХИ К БИОГРАФИИ ПИСАТЕЛЯ

В. Ф. ТЕНДРЯКОВА

В. С. Жаравин

В ГАСПИ КО в фондах Кировских областных и Подосиновских районных комитетов партии и комсомола хранятся документы, рассказывающие о юности известного писателя Владимира Фёдоровича Тендрякова (1923–1984).

В своей автобиографии в 1944 г. он писал: «Я, Тендряков Владимир Фёдорович, родился в 1923 году, в декабре месяце, 5 числа. Являюсь уроженцем Вологодской области (по новому адми-

нистративному делению), Верховатского района Шенотского сельсовета д. Макаровская. Моего отца, как партийного работника, часто перебрасывали из одного района в другой по партийной линии, поэтому нашей семье часто приходилось менять свое место жительства. Сравнительно за короткий период этого времени мы проживали в Вельске, Вологде, Грязовце, Опарино, где я в 1930 году пошел в первый класс начальной школы. Потом мы проживали в Каргополе, в Вожеге и, наконец, Подосиновце. Здесь в 1941 году я окончил Подосиновскую среднюю школу»¹.

Здесь он вступил в комсомол и 23 октября 1939 г. получил свой комсомольский билет, в чём и расписался в «Книге учета и выдачи комсомольских билетов Подосиновского райкома комсомола»².

Владимир Фёдорович Тендряков

В школе в то время было три комсомольских группы: 7–8-х, 9-х и 10-х классов, объединённых в одну комсомольскую организацию. В архиве сохранились протоколы как групповых, так и общешкольных комсомольских собраний. Главным вопросом, который постоянно на них обсуждался, был вопрос успеваемости учащихся. На собраниях решали проблемы с дисциплиной комсомольцев, о сдаче норм БТ О (будь готов к труду и обороне) и ГСО (готов с санитарной обороной), о проведении спортивных соревнований, подготовке к праздникам и т. п. Как видно из протоколов, Володя Тендряков был активным комсомольцем. 31 января 1940 г. его выбирают делегатом на школьную ученическую конференцию³. На собрании 10-х классов при заслушивании отчёта комсорга П. Злобиной он выступил в прениях по докладу и второй раз — при обсуждении оценки работы комсорга. На этом собрании тайным голосованием он был выбран комсоргом комсомольской группы 10-х классов⁴. 3 сентября 1940 г. он председательствует на собрании по изучению инструкции о проведении выборов руководящих комсомольских органов⁵. 20 января 1941 г. в школе подводили итоги успеваемости за первое полугодие. В Тендряков сказал о том, что 9 человек в их группе имеют плохие оценки, «но думают их исправить»⁶, а 11 апреля 1941 г. он выступил в прениях по докладу «Об итогах работы комсомольской организации за третью четверть». В протоколе записано изложение его выступления: «Со стороны школы и организации делают много поручений и поэтому на работу в комсомольской приходится мало обращать внимания. Со стороны секретаря комитета помощи нет»⁷.

Лист автобиографии В. Ф. Тендрякова (ГАСПИ КО. Ф. П-1682. Оп. 4. Д. 195. Л. 7)

В конце января 1942 года наша группа была брошена на фронт за реку Нем в районе города Казань.

Случайно некоторое время я имел возможность познакомиться с одной командой в Струново. В составе этой команды я работал по инвентаризации франкских документов в Струново. После чего наша группа была переброшена на Великий фронт (Фаранга), где я, 21 августа 1943 года, в районе деревни под городом Шарангой был ранен в левую ступню в лесную дугу.

После чего некоторое время я в больнице на станции Пеславль, и был эвакуирован в госпиталь Гелзенхаймской больницы на станции Гавельна, где и пролежал до 17 января 1944 года. В РК это госпиталь признали своей инвентаризацией. Я был выписан на фронт после лечения по месту жительства.

Последнее время работал в качестве преподавателя при ГДО Ч. Канал Студий школы.

По окончании полковника-жандарма. На основании постановления Совета и ГДР, проживающие в Д. Подольск, за границей, ради нечего. Не считая. Недавно вышло ВЛКСМ с 1939 года.

Подпись: В. Тендряков 29/1-44 года

Вместе с завучем школы А. А. Филёвым (будущим кировским писателем) он 27 декабря 1940 г. даёт рекомендацию для вступления в члены ВЛКСМ своему товарищу Виталию Бовыкину⁸. Комсомолец В. Тендряков имел ещё одно комсомольское поручение. Решением комитета комсомола школы он был 6 ноября 1940 г. утверждён пионервожатым⁹.

Из протоколов школьных собраний можно узнать о том, как учился Володя Тендряков. 9 сентября 1940 г. на отчётно-выборном комсомольском собрании подводились итоги успеваемости комсомольцев за 1939/1940 учебный

год, и там привели список комсомольцев, «имеющих только хорошие и отличные оценки», в который был включен и В. Тендряков¹⁰.

В 1941 г. В. Тендряков окончил школу. О дальнейшем он писал в автобиографии: «Вскоре после начала Отечественной войны по мобилизации как лейтенант запаса был взят в Красную армию мой отец. Вслед за ним по призыву пошел и я в ряды РККА в декабре 1941 года.

По прибытию в г. Киров на формировочном пункте был отправлен я в дивизионную школу младших командиров, которая сначала находилась в са-

мом г. Кирове – а потом, следуя за шефствующей над ней частью, переехала в г. Череповец. По окончании школы я был выпущен младшим сержантом-радистом.

В июле месяце 1942 года наша часть была брошена на фронт за реку Дон, в районе г. Калача.

Спустя некоторое время мне пришлось попасть из одной части в другую. В составе этой части я участвовал по ликвидации фашистской группировки в Сталинграде. После чего наша часть была переброшена на Степной фронт (Украина), где я 21 августа 1943 года в наступлении под городом Харьковым был ранен осколком снаряда в левую руку.

Пролежав некоторое время в госпитале на станции Алексеевка, я был эвакуирован в госпиталь Пензенской области на станцию Почелма, где и пролежал до 17 января 1944 года. ВЭК этого госпиталя признала меня инвалидом третьей группы, и я был отпущен на дальнейшее лечение по месту жительства.

Последнее время работаю военным преподавателем при Подосиновской средней школе»¹¹.

Вернувшись в п. Подосиновец, В. Ф. Тендряков пошёл в райком комсомола вставать на учёт. Там он оставил заявление, которое рассматривалось 11 февраля 1944 г. на заседании бюро райкома (протокол заседания № 14 п. 8): «Слушали: заявление о выписке учетной карточки и постановке на учет Тендрякова Владимира Фёдоровича.

Ввиду того, что тов. Тендряков, уходя в РККА, с учета в райкоме снимался и во время своего пребывания в Красной армии несколько раз переходил из части в часть и на учет вставал только по комсомольскому билету, поэтому

учетная карточка осталась в одной из воинских частей.

Постановили: Тендрякову Владимиру Фёдоровичу, 1923 года рождения, образование среднее, в комсомоле с 1939 года, выписать учётную карточку и поставить его на постоянный учёт при Подосиновском райкоме комсомола»¹².

Возможно, что тогда состоялся разговор с ним о переходе на работу в аппарат райкома, потому что уже на следующем заседании 27 февраля 1944 г. постановили: «Утвердить вторым секретарем РК ВЛКСМ Тендрякова Владимира Фёдоровича, 1923 года рождения, образование среднее, в комсомоле с 1939 года, работает преподавателем радиотехники в Подосиновской средней школе, участник Отечественной войны, и просить РК ВКП (б) и обком ВЛКСМ утвердить данное решение»¹³.

Райком партии это решение утвердил 28 февраля 1944 г. (протокол заседания № 26). В обкоме комсомола на полученные из Подосиновца документы 25 марта 1944 г. написали следующее заключение: «Тов. Тендряков – участник Отечественной войны. Дисциплинированный культурный, настойчивый. На руководящей комсомольской работе не работал, не знает комсомольской работы, но имеет все данные, чтобы быстро освоиться с ней и быть неплохим руководителем комсомольской районной организации. Рекомендовать тов. Тендрякова утвердить вторым секретарем Подосиновского РК ВЛКСМ Инструктором ОК ВЛКСМ Толстоброва»¹⁴. После этого 10 апреля 1944 г. В. Ф. Тендряков был утверждён обкомом ВЛКСМ в должности второго секретаря Подосиновского райкома комсомола (протокол заседания № 110)¹⁶.

По своей должности В. Ф. Тендряков

курировал работу комсомольских организаций промышленности, сельского хозяйства, транспорта, строительства. Его заработная плата составляла 500 рублей в месяц. В архиве сохранились ведомости на зарплату работникам Подосиновского райкома комсомола за 1944 г. В ведомостях за март-декабрь имеется подпись-автограф В. Ф. Тендрякова, причём оплата ему начислялась с 22 марта 1944 г.¹⁷

В протоколах заседаний бюро райкома комсомола отмечено, что он присутствовал как член бюро 7 и 20 сентября 1944 г.¹⁸ (некоторых протоколов за тот год нет, на других не отмечено его присутствие). Выступление В. Тендрякова на заседании бюро зафиксировано только одно – 12 декабря 1944 г. при обсуждении персонального дела учителя Подосиновской средней школы¹⁹. Отмечено и присутствие В. Ф. Тендрякова 2 августа 1944 г. в президиуме совещания молодых передовиков сельского хозяйства²⁰. А 18 января 1945 г. на бюро райкома комсомола рассматривался вопрос о приёме в комсомол Александра Ивановича Пихтина, 1929 года рождения, русского, образование 5 классов, рядового колхозника. Рекомендацию в комсомол ему дал В. Ф. Тендряков²¹.

Работая в должности второго секретаря райкома комсомола, Владимир Федорович решил вступить в партию. 29 января 1945 г. бюро Подосиновского райкома партии (протокол заседания № 2 п. 7) приняло В. Ф. Тендрякова кандидатом в члены ВКП (б). Его рекомендовали: Подосиновский райком ВЛКСМ, Агния Матвеевна Рожкина, член ВКП (б) с 1939 г., и Иван Дмитриевич Раздобурдин, член ВКП (б) с 1932 г.²²

Однако В. Ф. Тендряков в то время уже ушёл из райкома комсомола. 2 ян-

варя 1945 г. бюро райкома ВКП (б) утвердило вторым секретарем райкома комсомола Шубину Валентину Михайловну²³. 10 февраля 1945 г. на бюро райкома ВКП (б) рассматривался вопрос о проведении семинара с секретарями комсомольских организаций района. В списке вызываемых числится В. Ф. Тендряков – военный преподаватель Подосиновской средней школы²⁴.

В архиве хранится два протокола собраний парторганизации школы от 1 марта и 27 апреля 1945 г., на которых присутствовал В.Ф. Тендряков²⁵. В книге учёта членов и кандидатов в члены ВКП (б) первичной парторганизации школы записано, что Владимир Тендряков встал на партийный учет 1 марта 1945 г. В графе «Отметка о снятии с учёта» указано: «Выбыл в г. Москву учиться»²⁶ (даты выбытия нет).

Затем была учёба в Литературном институте им. М. Горького и жизнь профессионального писателя.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ ГАСПИ КО. Ф. П-1682. Оп. 4. Д. 195. Л. 6.

² Там же. Ф. П-2609. Оп. 2. Д. 20. Л. 46.

³ Там же. Д. 33. Л. 8.

⁴ Там же. Л. 28–28 об.

⁵ Там же. Л. 79.

⁶ Там же. Л. 84.

⁷ Там же. Д. 49. Л. 78 об.

⁸ Там же. Д. 33. Л. 121 об.

⁹ Там же. Л. 86.

¹⁰ Там же. Л. 95.

¹¹ Там же. Ф. П-1682. Оп. 4. Д. 195. Л. 6–6 об.

¹² Там же. Ф. П-2609. Оп. 2. Д. 71. Л. 9.

¹³ Там же. Ф. П-1682. Оп. 4. Д. 195. Л. 3.

¹⁴ Там же. Ф. П-1290. Оп. 14. Д. 304. Л. 7.

¹⁵ Там же. Ф. П-1682. Оп. 4. Д. 195. Л. 5.

¹⁶ Там же. Л. 4.

¹⁷ Там же. Ф. П-2609. Оп. 2. Д. 75. Л. 4.

¹⁸ Там же. Д. 71. Л. 36–37.

¹⁹ Там же. Д. 82. Л. 20.

²⁰ Там же. Д. 70. Л. 15.

²¹ Там же. Д. 82. Л. 6.

²² Там же. Ф. П-1693. Оп. 3. Д. 126. Л. 33–33 об.

²³ Там же. Л. 3.

²⁴ Там же. Л. 68.

²⁵ Там же. Оп. 4. Д. 631. Л. 1, 7.

²⁶ Там же. Д. 631 а. Л. 4 об. – 5.

СЛОВО О ПИСАТЕЛЕ А. КОНЧИЦЕ

11 октября 2009 г. исполнилось 70 лет со дня рождения писателя-земляка А. А. Кончица (1939–1996). В 7-м выпуске альманаха «Герценка: Вятские записки» были опубликованы его короткие рассказы. Сейчас предлагаем читателю воспоминания о нём друзей детства, студенческих времён, вдовы, соратников по перу.

ПАМЯТЬ СЕРДЦА

Г. Д. Зализняк

40-50-Е ГОДЫ XX ВЕКА

В десяти километрах от белорусского города Гомеля, в городском посёлке Костюковка, на территории которого располагается предприятие по производству стекла (ныне стеклозавод им. М. В. Ломоносова), ещё не все здания восстановлены после недавно прошедшей Великой Отечественной войны. Следы жестоких сражений видны повсюду. Город и его окрестности в руинах. Восстановление жизни города происходит в течение десятка лет.

В средней школе № 13 на территории посёлка, где занятия проводятся на русском языке, старшие классы (с 8-го по 10-й) переполнены: дети старшего возраста из окрестных селений также учатся в этой школе.

В свободное от школьных занятий время, особенно в периоды школьных каникул, мы – дети жителей посёлка – находим много общего в интересах и увлечениях. В нашем не очень многочисленном окружении сложилась довольно сплочённая и дружная компания сверстников. Разнообразные обсуждения, а иногда и споры, порождают достаточно общее представление о достоинствах и ценностях жизни. Живой интерес в обсуждении вызывают прочитанные книги из местной библиотеки, многочисленные, преимущественно трофейные, кинофильмы в киноклубе посёлка.

Активное участие в обсуждениях принимал спокойный и доброжелательный юноша – Анатолий Кончиц, приехавший с родителями в 1948 г. из Кировской области. Его отец Александр Евтихьевич устроился на работу в одном из цехов стеклозавода, а мама Мария Ивановна стала преподавать в младших классах школы № 13.

Располагающей чертой характера Анатолия было внимательное и ненавязчивое стремление понять, почувствовать собеседников, взвешенное вступление в разговор с твёрдой, продуманной точкой зрения. В характере Анатолия всегда присутствовало заинтересованное восприятие событий, происшествий и, главным образом, человеческих судеб. Особое место в наших разнообразных обсуждениях занимали впечатления о прочитанных книгах. В то далекое послевоенное время книги были едва ли не единственным, вполне доступным источником информации, хотя книги выпускались ограниченными тиражами.

Одним из наиболее привлекательных центров нашего внимания является еще

не полностью восстановленный Дворец культуры, где демонстрируются кинофильмы (преимущественно трофейные), работают разнообразные коллективы художественной самодеятельности, такие как изостудия, оркестр народных музыкальных инструментов, танцевальный класс.

Изостудией руководил Владимир Сильвестрович Камовский (1917–1968), сыгравший заметную роль в становлении личности будущего писателя Анатолия Кончица.

Накануне Великой Отечественной войны В. С. Камовский завершил учебу в Краснодарском художественном училище: после вторжения немецких войск на территорию нашей страны он участвовал в боях в составе кавалерийского корпуса. Уже в послевоенные годы по ложному

доносу художник испытал ужасы сталинских преследований в течение десяти лет. Его ярко эмоциональные рассказы о пережитом оставили глубокий след в памяти Анатолия и нашли своё отражение в ранних литературных заметках писателя.

Руководство стеклозавода организовало строительство лагеря отдыха для детей пионерского и комсомольского возраста. На крутых прибрежных склонах старого русла гомельской реки Сож, в окружении лиственного и хвойного леса были построены просторные светлые корпуса лагеря «Кленки». Именно здесь, в периоды наибольшего сближения интересов и увлечений, происходит становление личности Анатолия, значительно определившее дальнейшую его судьбу. Об этом следует рассказать подробнее.

Анатолий Кончиц 1980-е гг.

После окончания средней школы в 1957 г. у Анатолия была цель поступить на философский факультет МГУ. Однако приёмная комиссия университета в допуске к вступительным экзаменам отказала по причине отсутствия трудового стажа. Абитуриентов со школьной скамьи к вступительным экзаменам не допускали. Возможность продолжить образование была предоставлена институтом культуры.

В студенческие годы наша дружба — выпускников средней школы № 13 г. Гомеля — развивалась и укреплялась. Мы с Анатолием чувствовали духовное родство. Наши взгляды на различные стороны окружающей жизни во многом совпадали. Нет ничего странного в том, что сходство воззрений объединяло нас в студии В. С. Камовского.

Трагическая развязка судьбы художника оказалась для нас особенно горестной. Пожар во Дворце культуры в поздние вечерние часы, когда в изостудии никого не было, унёс с собой многолетние творения Владимира Сильвестровича, который тако- го удара судьбы не перенёс.

Первым литературным запискам Анатолия свойственно романтическое восприятие действительности. Здесь проявились поэтическое видение окружающего мира и юношеская восторженность.

1958 г. Наступили времена возрождения и бурного расцвета общественной жизни в различных областях науки и техники, литературы и искусства. Уверенность в будущем укрепляла собственные надежды на успехи в личной жизни каждого из нас.

Несмотря на территориальную удалённость наших вузов, мы часто встречались. Делились мыслями о происходящем в окружающем мире, познавали жизнь в самых различных её проявлениях.

Некоторые события того времени оставили особенно яркий след в памяти.

Незабываемое впечатление произвело наблюдение одного из первых искусственных спутников Земли в вечернем московском небе. Примечательной стала эмоциональная реакция Анатолия, выраженная в такой форме: «Мы сейчас наблюдали необычное явление, а спустя десятилетия наши теперешние восторги будут восприниматься так же, как мы в наши дни наблюдаем зарисовки предшествующих времен, передающие впечатления предков о полётах первых воздушных шаров или самолётов».

Особенное впечатление на меня произвело то, как тонко чувствовал музыку Анатолий в одном из концертных залов столицы. Исполнялись произведения Моцарта, Брамса, Прокофьева. После того, как были исполнены классические произведения прошлых веков, фортепьянную сонату Прокофьева Анатолий восторженно назвал порывом свежего весеннего воздуха в замкнутом пространстве концертного зала.

80-90 ГОДЫ XX ВЕКА

Ввиду некоторой удаленности г. Жуковского, где сложилась моя дальнейшая судьба, мы встречались не так часто, как хотелось бы. Встречи эти были наполнены новыми веяниями. Мы по-прежнему активно обсуждали происходящие события, спорили, но содержание этих обсуждений и споров становилось иным. Запомнилось очень характерное изменение в мировоззрении Анатолия. В ответ на моё утверждение ценности исследования в конкретной научно-технической области Анатолий совершенно неожиданно задал вопрос о том, насколько изменится соотношение добра и зла в

мире. если результаты этих исследований будут применены на практике. У Анатолия проявилось чувство профессиональной этики, из которого следовала нескрываемая обособленность писательского мастерства. выраженная так: «Я не пытаюсь советовать тебе, как испытывать объекты авиационной техники. Поэтому не нужно тебе вникать в глубоко индивидуальные особенности моего труда».

Я с восторгом читал новые публикации Анатолия, в прочитанном невольно улавливая и мысленно слышал его голос, слегка ироничный и неподражаемо пронизательный. Это чувство близости и понимания останется в сердце навсегда...

СУДЬБА СЛОВА

В. Перельмутер

Совпадения случайны. Хотя и соблазняют нередко на поиск в них таинственно-витиеватого проявления некой закономерности. А надо бы искать смысл, если угодно, логику случая.

Ито, что семидесятилетие со дня рождения Анатолия Кончица пришлось на Гоголевский год, думается мне, вполне естественно вписывается в эту логику. Потому что слово было для него, если не единственной, то, во всяком случае, самой убедительной из реальностей — и делало реальными его романтические (в прежнем, ещё не расхожем смысле) наблюдения, впечатления, видения, фантазии: забавные, грустные, иронические, драматические, даже трагические.

И ещё потому, в частности, что одна из лучших его поздних вещей — большая повесть «Переписчик бумаг» — генеалогически происходит, разумеется, от знаменитых «Записок» гоголевского персо-

нажа, свихнувшегося на своём поприще переписчика бумаг. Кончиц сам указывает на эту связь не прямо, но внятно: ономастически, одним словом. Его Козьявин, смиренно сознающий собственную малость, несущественность своей жизни, — несомненный антоним Поприщина с его манией величия.

Собственно говоря, и записки Козьявина — не что иное, как отчаянная попытка вырваться, пусть только наедине с собой, из беличьего колеса бессмысленной, парализующей рутины. Так переписывание оборачивается писанием — кратким, без черновиков...

Задолго до повести — в начале семидесятых — так был озаглавлен цикл рассказов. Повесть позаимствовала заглавие. И рассказы цикла автор включил в неё, разбросал по ней, на первый взгляд, словно бы вне связи с сюжетом, самым неожиданным подчас образом перебивая повествование этими отступлениями. Однако связь, конечно, есть — и существенная, надо лишь взглядеться, вчитаться. Ведь вся повесть — это изрядное количество бумаг «С. Ковязина», случайно попавших в руки случайного читателя, решившего их опубликовать (приём, уже вполне демонстративно отсылающий к гоголевским и даже далее, к пушкинско-белкинским временам). И рассказы, опять же случайно, как бы произвольно, вклинились в повесть...

Я уже прежде писал об Анатолии Кончице. О том, что Владимир Германович Лидин, чьё писательство, довольно рано и быстро иссякшее, оставило более чем скромный след в истории литературы, однако вкус и чутьё на чужой дар оставались безошибочными и в преклонном возрасте, сразу же, по ранним рассказам Кончица, понял, что в его первокурсный литинститутский семинар при-

шёл писатель. И о том, что прижизненные книги Кончица (их было четыре, последняя – в 1987 г.) были «нивелированы» редакторским выбором и правкой, сопротивляться которым Толя попросту не умел, а потому не могли дать истинного представления об этом писателе, и судьба его слова оказалась трагической.

Повторять остальное не вижу смысла. Всё так. Но хочу исправить одну ошибку, допущенную по незнанию. Беседуя с Толиным сыном Владимиром, узнал, что в последние годы Кончиц занялся сочинением «больших» вещей и включил туда, подчас резко переиначив, некоторую часть своих прежних рассказов, а «оригиналы» их уничтожил, равно как и многое из написанного в шестидесятых, семидесятых, начале восьмидесятых, в том числе и оригиналы, так сказать, «до-редакторские». То бишь всё обстоит ещё хуже, безнадежней, чем представлялось по книгам.

Тем не менее, мы решили попытаться оставить книгу, изменить, по мере сил, посмертную судьбу писателя. Володя вызвался внимательнейшим образом разобрать архив отца, перечитать и вчитаться в оставшееся от него, «оцифровать», то есть перевести в компьютерный набор все эти сочинения, и прислать мне.

Ныне всё это уже у меня. И уцелевшего оказалось на удивление и по счастью много. Очень много. И пусть некоторые поздние вещи впрямь не слишком удались, да и едва ли могло быть иначе – на них след предсмертной, тяжкой болезни. Но и без них присланного вполне достаточно, чтобы сделать книгу, по моему, замечательную.

Если... Нет, не если, а когда она выйдет, центром тяжести её станет «Переписчик бумаг». Потому и начал с разговора о нём.

А предуведомлением к этой книге, надеюсь, послужит публикация вставных новелл из «Переписчика бумаг». Многие из них подробно помню уже три с лишним десятка лет. И жалею, признаться, что при позднейшей правке выпали из них дивные, по-моему, фразы.

Ну, например, давшая заглавие всему циклу – и повести – новелла теперь кончается: «Но переписчик бумаг отряхнул от снега и пошёл домой жарить картошку. Завтра опять идти на работу». Далее было: «Но он станет, станет Главным Переписчиком Бумаг. А может, и нет, может, и нет...»

Что поделать – воля автора...

P.S. А биография Анатолия Кончица, родившегося в глухой вятской деревне и почти сорок лет своей писательской жизни проведшего в Москве, будет изложена в книге. И многое в его прозе поможет разглядеть и понять. Здесь я добавлю только, что уже три года, как на его родине существует библиотека имени Анатолия Кончица. И что нынешней осенью там отмечалось семидесятилетие со дня его рождения. И что в предисловии к сборнику «Вятский рассказ 20-го века», где говорится о любимых писателях этого северного края, имя Анатолия Кончица стоит рядом с именем Александра Грина...

ОН ЛЮБИЛ ПРОСТЫХ ЛЮДЕЙ

В. А. Бутенко

Впервые я увидел Анатолия в 1958 г. в Библиотечном институте (ныне институт культуры). Я был студентом 1 курса, он учился на 2-м. Он сразу привлек моё внимание заношенным вельветовым костюмом (за 25 руб.) с пузырящимися на коленях штанами. И глазами – отстра-

нёнными от мира, как будто у существа с другой планеты или даже из другой галактики. Видимо, не случайно (правда, гораздо позже), он стал писать фантазмагории, хотя и отталкиваясь от земных героев. Вначале от крестьян, которых он считал солью земли и среди которых он провел своё детство, а потом от горожан, чьи души метались, как птицы в безвоздушном пространстве. Он так и не вжился в столичное существование, хотя прожил в столице 40 лет. В нём постоянно чувствовалась какая-то хлебниковско-платоновская тоска.

Из-за неё он каждое лето уезжал в родную деревню и возвращался оттуда духовно заряжённым на весь следующий год, до будущего отъезда. Вначале он писал какие-то абстрактные рассказы, помню что-то о девочке-пианистке и её придуманных им переживаниях. Он ещё не знал, о чём писать, но когда вышел на деревенскую тему – у него стало получаться настоящее, и через небольшое время он проявил себя как интересный прозаик, показывая и как бы романтизируя бытие крестьян, их души и быт северной деревни.

Его стали печатать «Литературная Россия», «Сельская молодёжь» (где он несколько раз был лауреатом года) и другие издательства.

В начале 1980-х гг. первый секретарь Союза писателей Феликс Кузнецов назвал в своём докладе его имя в ряду самых талантливых московских писателей.

Но это позже, а мне вспоминается, как в день получения стипендии мы брали несколько бутылок «Жигулевского» (по 22 копейки), плавленный сыр и банку «бычков в томате». Выпивали и вели разговоры о жизни, книгах, читали наши первые литературные

сочинения (наивные и беспомощные), но мы интуитивно верили в себя и были счастливы.

Он любил простых людей, общаться с ними ему было интереснее, чем с писательской братией. С ним невозможно было поссориться, ни о ком он никогда не сказал дурного слова, был совестлив и отстранён от всякой житейской шелухи. Как жаль, что он прожил так мало...

ПЕВЕЦ СЕВЕРНОЙ ДЕРЕВНИ

И. В. Кумановская

Анатолий Кончиц – певец северной деревни. Фамилия для Русского Севера необычная. Характерная для Белоруссии. В классе средней школы, где учился Анатолий, было еще три ученика – его однофамильцы. Кончиц – это фамилия отца писателя, Александра Евтихевича, уроженца белорусской деревушки Лапичи. Кончицами называли крестьян, живущих на краю деревни. А мама его, Мария Ивановна Швецова, любимые дед и бабушка – уроженцы деревни Пестово. Это самый север Кировской области. До революции эти дальние деревни относились к Архангельской губернии. Если добираться от Кирова или от Котласа, нужно выйти на станции Луза. Луза – ничем не примечательный советский городок. Далее надо ехать на автобусе до чудного старинного города Лальска, с удивительным по красоте храмовым комплексом, а потом на тряском автобусе 25 километров до почтового отделения в деревне Старчевская. А там уже совсем недалеко до любимого Пестова. Как радостно сжимается сердце Анатолия. Вот показался храм у погоста (по-местному «повоста»).

Стрельчатые готические окна, белый камень (откуда он?). Строгий силуэт.

В эпоху богоборческой власти в храме — механизаторская мастерская. Грязная, ржавая техника, крепкий мат — вместо прихожан. А вокруг потрясающие красоты таёжного леса, медовый пьянящий воздух, ещё не обмелевшая, не испоганенная река Луза — приток Северной Двины.

Ещё не сгорел отчий дом. На чердаке целомудренные сельские игрушки — отполированные бараньи косточки, деревянный грузовичок.

Здесь не было крепостного права. Крепкие крестьянские хозяйства, трудолюбивые богобоязненные крестьяне, непылющие.

И кругом такая невообразимая красота северной Руси. А имена певучие: Параскева, Лидия, Сергей. Дедушка — седобородый молчаливый гигант без одной руки. Всё делал одной натруженной ру-

кой, даже плёл лапти, а бабушка Параскева — низенькая, хлопочущая, ворчащая на деда, с рассвета и до вечера в суете крестьянских забот и нескончаемых дел.

С какой любовью эта семейная пара выписана Анатолием, как общается с нами, читателями, со страниц «Васькиных вечеров», «Слова в деревне» и т.д. Мама, Мария Ивановна, учительница младших классов. В тяжелые военные годы, когда все молодые деревенские жители были на фронте, школа жила своей трудной, но насыщенной жизнью.

А сейчас в старой школе всего один ученик. Большие деревни опустели. Автобус уже не кряхтит по холмистой дороге, отменён, накладно. Добирайся, как можешь. И та же удивительная неповторимая северная красота. И сердце Анаголия принадлежит этому родному краю, как сердце Шопена родной земле. И натура его целомудренная, чистая,

А. Конциц по дороге в родное Пестово. 1970-е гг.

не пропитавшаяся цинизмом большого холодного города. Часто он вводил в недоумение своих московских друзей, уже в меру циничных растиньяков.

Первые литературные опыты. Стеснительный студент потянулся к группе пишущих однокурсников по институту культуры. Безусловным лидером был Александр Лайко. Лидер, увозящий свою паству в дебри настоящей литературы. Рядом друг тоже пишущий начинающий поэт Вениамин Бутенко. Простая жизнь студенческого общежития скрашивалась любовью к высокому, когда полутоловное существование просто не замечалось. Только писать, писать в стол, не надеясь, что будет напечатана хотя бы строчка. Страстное желание самовыражения. Испысывались десятки тетрадей. И любимый северный край казался Меккой: там все гармонично, там кроется какой-то истинный смысл жизни. Упорно, не сдаваясь, писал и писал. И в школьных тетрадях обрели новую жизнь и старики, и юные жители Пестово.

Еще в студенческие годы Анатолий женился. После окончания института культуры уехал на полгода на Сахалин. Но экзотическая природа Дальнего Востока не перебила ностальгии по Северу, наоборот, ещё больше разожгла тоску по родине. Жена Анатолия ещё училась в институте, ещё должна была защищать диплом. Родился первенец, и, когда малышу было три месяца, Анатолий поступил в Литературный институт. Рядом опять был верный друг - В. Бутенко. Герценовский особняк в Москве. Семинар Владимира Лидина. Чуткое отношение Владимира Германовича к пишущей братии, профессиональные, подробные разборы написанного. И споры, споры, споры. Первый рассказ, прочитанный по

радио. Герой рассказа – зачуханный, придавленный большим чужим городом приезжий. Осень. Скосили чахлую городскую траву. Но запах этой жалкой скошенной травы пробуждает в этом пленом, не прижившемся здесь, маленьком человеке забытую сладость той пахучей деревенской травы детства. Это корявый пересказ того рассказа.

Тяжелые годы непризнания. Холодные отписки штатных рецензентов. Сейчас появилось ёмкое слово «неформат». Оно как бы перекечовало оттуда, из тех времён. Правда, сейчас деньги репают многое, и графоманы могут печатать за свой счёт свои бессмертные оусы.

Работа сторожем, и опять горы исписанных тетрадей. И как солдат на оловянной кружке отмечает оставшиеся дни до воли, так и Анатолий отме-

Бабушка Мария Ивановна Швецова.
Рис. И. Кумановской

чает каждый прожитый день, приближающий его к заветному лету, к поездке на свою любимую родину. Лето, вожаемое лето. Там, с удочкой, срезанной тут же, червяками, добытыми за амбаром, Анатолий спешит к реке. Там оживали образы сплавщиков леса, сначала в сердце, потом на страницах выстраданных рассказов. Вся любовь к Северу выплеснулась в них.

Появились первые книги. Но и Белоруссии, где прошли школьные годы, посвящён цикл рассказов.

Тяжёлые перестроечные годы. Рассыпан набор грустной гротескной фантастики «Переписчик бумаг», а ведь уже заказаны были иллюстрации художнику, уже отпечатаны в типографии гранки – и пустота. Тяжело он пережил гибель своего детища. Опять ушёл в сторожа. Подкралась смертельная болезнь. Анатолий пишет повести в жанре черной фантастики: «В плену у таракана», «Гиелуп 131-й». Когда ему уже было совсем плохо, он решил перебить «клин клином» и уехать на лето в свою северную колыбель. Не помогло.

В больнице его навещали только самые близкие друзья: Юрий Зализняк, верный друг ещё по школьной жизни, сам на костылях из-за врачебной ошибки, поэты Геннадий Георгиев и Вениамин Бутенко. Александр Лайко эмигрировал, но способствовал напечатанию последней повести «В плену у таракана» в Германии.

А московских растиньяков не было замечено ни во время смертельной болезни, ни после его кончины. И только в сердцах благодарных земляков не угасла любовь к поэтичному гимну родному краю. Посмертно присуждено его имя маленькой сельской библиотеке, что у храма, «на повосте».

P.S. А в день ухода его из жизни мы собираемся на Введенском кладбище в Москве, верные друзья его – Дмитрий Корсаков, Владимир Кожемякин, Вениамин Бутенко, вдова и сыновья. На холщевой скатерти появляется рыбный пирог, собственноручно приготовленный Кожемякиным (так его пекла бабушка Параскева) и звучат задушевные слова друзей. И он снова с нами.

P. P. S. Александр Лайко, ныне живущий в Германии, учился с А. Кончицем в Библиотечном институте. Он был духовным поводырём пишущей студенческой братии. Хочется привести его стихотворение из последнего поэтического сборника «Брошенная деревня», как бы отражающее судьбу родной деревни А. Кончица – Пестово.

БРОШЕННАЯ ДЕРЕВНЯ

*Испуг рождала тишина
среди разнотравья, зноя, лета...
Во сне так, убегая сна, ещё не знаешь
явь ли это –
Звезда падающая, комета
пересекает небосвод:
Чужая жизнь, прервавшись где-то,
тебе покоя не даёт.
Но это явь: изба, стена, смола,
светилом разогрета:
Черны глазницы – два окна,
подкова на двери – примета
Удачи, но другая мета мрачила
здесь за родом род –
Народ, отпавший от Завета,
тебе покоя не даёт.
Беда больней обнажена
в лучах полуденного света –
Деревня мертвая страшна –
чугун, костыль, рядно, газета,
А там, над крышей сельсовета –
флаг, осеняющий исход...*

*И кукла с вышивкою «Света»
тебе покоя не даёт.
И ни ответа, ни привета,
лишь тройки бешеный разбег,
Созданье мрачного поэта
тебе покоя не даёт.*

БИБЛИОГРАФИЯ ПУБЛИКАЦИЙ, ПРЕДСТАВЛЯЮЩИХ НАУЧНОЕ ТВОРЧЕСТВО В. Г. РАЗУМОВСКОГО

(К 80-летию профессора)

Ю. А. Сауров

В. Г. Разумовский родился в Кирове (1930), работал учителем физики в Татауровской средней школе Нолинского района (1952–1955), учился в аспирантуре у великого методиста А. В. Перышкина и всегда трудился, трудился и трудился. Вятская страсть в познании и преобразовании мира, трудолюбие, смелость в преодолении препятствий позволили Василию Григорьевичу подняться на вершину творческой деятельности и на вершину профессиональной карьеры. В Вятке Василий Григорьевич, по его словам, с раннего детства «почитал “Герценку” храмом науки и культуры, был активным читателем, выписывал нужные книги в Татаурово, был замечен и принят директором библиотеки Клавдией Михайловной Войханской».

В. Г. Разумовский – автор более 400 работ, десятков книг для учителей, под его руководством защищено около 30 диссертаций. Не случайно он, один из первых докторов наук по методике обучения физике (1972), стал первым академиком в среде методистов-физиков. Широта души, настойчивость в познании и труде, точный

вектор социальной по смыслу деятельности позволяют ему быть первым. Он талантливый организатор коллективных исследований. Достаточно назвать книги серии «Библиотека учителя физики», его учебники. Вот и сейчас в разгаре работа по созданию нового учебно-методического комплекта для профильной школы...

Долгие годы В. Г. Разумовский – главный редактор журнала «Физика в школе» (1965–1992), руководитель всесоюзного семинара «Компьютер и образование» (с академиком Е. П. Велиховым, 1985–1992), национальный координатор международного исследования по сравнительной оценке знаний школьников по математике и естествознанию (1989–1991), академик-секретарь Отделения дидактики и частных методик АПН СССР и член Президиума Академии (с 1981 г.), а затем – вице-президент Академии педагогических наук (1989–1992). В 1989–1991 гг. В. Г. Разумовский был народным депутатом СССР, членом комитета Верховного Совета СССР по науке, культуре, образованию и воспитанию.

Широта и глубина научной, государственной и общественной деятельности нашего земляка всегда вызывали к нему мой естественный интерес. Так появились приводимые ниже работы (расположение хронологическое). Кратко опишем их.

1. Сауров, Ю. А. Генерализация знаний о взаимодействии физических объектов на основе энергетического описания / Ю. А. Сауров, В. Г. Разумовский // Физика в школе. – 1980. – № 3. – С. 48–53.

Первая совместная статья. Запомнился факт: Василий Григорьевич, доктор наук и профессор, вычеркнул своё имя и поставил моё имя, аспиранта, на первое место в статье.

2. Разумовский, В. Г. Учитель учи-

телей : [беседа с действ. членом АПН СССР, профессором, д-ром пед. наук, нашим земляком В. Г. Разумовским, выпускником физ. фак. КГПИ / записал Ю. А. Сауров] // Киров. правда. – 1985. – 23 апр. (№ 94). – С. 4 : фот.

3. Патрушев, В. Он наш земляк / В. Патрушев, Ю. Сауров // Учитель. газ. – 1988. – 15 дек. (№ 148). – С. 2. – (Письмо в защиту академика В. Г. Разумовского).

4. Разумовский, В. Г. Школа и наука : быть ли союзу? : [беседа с акад. В. Г. Разумовским / записал Ю. А. Сауров] // По ленин. пути. – 1988. – 6 дек. (№ 38). – С. 1 : фот. ; 20 дек. (№ 39). – С. 2.

5. Разумовский, В. Г. Наука и школа : быть ли союзу : [беседа с акад.-секретарём АПН СССР В. Г. Разумовским во время пребывания в г. Кирове о проблемах современной школы / записал Ю. А. Сауров] // Киров. правда. – 1989. – 5 янв. (№ 4). – С. 1 : фот.

6. Все приоритеты – развитию личности : [беседа с действ. членом АПН СССР, руководителем науч. программ, кандидатом в нар. депутаты СССР В. Г. Разумовским о впечатлениях после поездок в США, Англию, Францию и др. страны, размышления об уровне развития пед. науки в СССР и за рубежом / записал Ю. Сауров] // Комс. племя. – 1989. – 11 марта (№ 10). – С. 6 : фот. – Подп.: Ю. Швецов.

7. Разумовский, В. Г. Школа – вечный источник духовности : [беседа с вице-президентом АПН СССР, нар. депутатом СССР В. Г. Разумовским о концепции содержания базового среднего образования / записал Ю. А. Сауров] // Пед. ведомости : газ. вят. учительства. – Киров, 1991. – 20 марта (№ 7). – С. 2 : фот.

8. Патрушев, В. Н. Вятская научная

школа методистов-физиков: факты и мысли о становлении / В. Н. Патрушев, Ю. А. Сауров ; под ред. Ю. А. Саурова ; ВятГПУ. Науч. лаб. «Моделирование процессов обучения физике». – Киров, 1997. – 98 с.

В специальном параграфе «Личность и творчество профессора В. Г. Разумовского» раскрывается влияние учёного на деятельность вятской научной школы методистов-физиков.

9. Сауров, Ю. А. Принцип цикличности / Ю. А. Сауров // Учебная физика. – 1998. – № 3. – С. 76–78.

Одна из первых специальных статей непосредственно посвящённых принципу цикличности.

10. Патрушев, В. Н. Познание жизни и науки : о творчестве проф. В. Г. Разумовского / В. Н. Патрушев, Ю. А. Сауров ; под общ. ред. Ю. А. Саурова ВятГПУ, Науч. лаб. «Моделирование процессов обучения физике». – Киров 1999. – 109 с.

В книге раскрывается личность известного педагога-исследователя, нашего земляка В. Г. Разумовского.

11. Сауров, Ю. А. «Во всем мне хочется дойти до самой сути...» : [о творчестве проф. В. Г. Разумовского] / Ю. А. Сауров // Учебная физика. – 2000. – № 1. – С. 3–7.

Статья написана к 70-летию юбилею нашего земляка, представляет обобщённый взгляд на его научное творчество.

12. Школа – вечный мой собеседник / Ю. А. Сауров // Пед. ведомости. – 2003. – 25 дек. (№ 14). – С. 3.

О поездке на юбилей Татауровской средней школы Нолинского района, размышления о судьбе школы, об участии в празднике академика РАО В. Г. Разумовского.

13. Разумовский, В. Г. Деятельность

преподавания как стратегический ресурс образования / В. Г. Разумовский, Ю. А. Сауров // Наука и школа. – 2004. – № 6. – С. 2–9.

В статье теоретически осмысливается значение деятельности преподавания учителей как ведущего ресурса развития образования, приводятся примеры из опыта деятельности учителей Кировской области.

14. О будущем надо думать... / Ю. А. Сауров // Педагогика. – 2005. – № 8. – С. 118–120. – Рец. на кн.: Инновации в преподавании физики в школах за рубежом / В. Г. Разумовский. – Новосибирск. 2005. – 185 с.

Монография на материале содержания обучения физике ведущих западных стран раскрывает значение методологии в реформировании обучения физике. В рецензии делается акцент на социальное значение рассматриваемых ресурсов обучения физике.

15. Сауров, Ю. А. О границах применимости принципа цикличности / Ю. А. Сауров // Учебная физика. – 2005. – № 2. – С. 134–144.

Одна из первых статей, в которой ставится и раскрывается значение границ применимости методического знания на примере принципа, предложенного В. Г. Разумовским.

16. Академик РАО В. Г. Разумовский: поиск истины в познании и просвещении / Ю. А. Сауров // Герценка : Вят. записки : [науч.-попул. альм.]. – Киров, 2005. – Вып. 9. – С. 151–153.

17. Разумовский, В. Г. О проблеме факта в педагогике и психологии / В. Г. Разумовский, Ю. А. Сауров // Наука и школа. – 2005. – № 1. – С. 49–53.

18. Разумовский, В. Г. Жизнь в физическом образовании, или Решение задач

/ В. Г. Разумовский, Ю. А. Сауров // Физика в школе. – 2007. – № 3. – С. 78–79.

В совместной обобщающей и оценочной статье о творчестве профессора В. А. Орлова раскрывается смысл деятельности известного методиста-организатора физического образования в нашей стране.

19. Разумовский, В. Г. Научный метод познания в школьном образовании как величайшая духовная ценность / В. Г. Разумовский, Ю. А. Сауров // Диалог культур и цивилизаций в глобальном мире : VII Междунар. Лихачёвские науч. чтения. – СПб. : Изд-во СПбГУП, 2007. – С. 445–447.

Методология познания, чётко выделенная на материале физики и представленная в обучении, имеет общее гуманитарное значение – основной пафос статьи и доклада.

20. Разумовский, В. Г. Технология развития способностей школьников самостоятельно учиться, мыслить и действовать / В. Г. Разумовский, В. А. Орлов, Ю. А. Сауров, В. В. Майер // Физика в школе. – 2007. – № 6. – С. 50–55.

21. Сауров, Ю. А. Думать надо социально, дальновидно... : размышление о книге // Физика : метод. газета. – 2007. – № 22. – С. 47–48.

Рецензия-размышление о монографии В. Г. Разумовского и В. В. Майера «Физика в школе : науч. метод познания и просвещения» (М : ВЛАДОС, 2004).

22. Сауров, Ю. А. Принцип цикличности в методике обучения физике : ист.-методол. анализ : моногр. / Ю. А. Сауров ; Науч. лаб. «Моделирование процессов обучения физике». – Киров : Изд-во ИПК и ПРО, 2008. – 224 с.

В монографии раскрывается историко-методологический смысл принци-

на цикличности в дидактике физики; впервые целостно показана жизнь методического знания.

23. Разумовский, В. Г. Общемировые тенденции развития школьного физического образования / В. Г. Разумовский, Ю. А. Сауров // Настоящее и будущее физико-математического образования : материалы докл. Республ. науч.-практ. конф., 25 окт. 2008 г. – Киров, 2008. – С. 17–21.

Текст общего доклада на республиканской конференции в связи с 20-летием Кировского физико-математического лицея.

ВЯТСКИЙ БИБЛИОФИЛ

В. К. СЕМИБРАТОВ

Н. И. Яценко

Во всех своих последних изданиях я написал несколько очерков о крупных библиофилах страны, а в этой книжечке (Яценко Н. И. Я – библиофил. Ульяновск, 2009. С. 69–71) я не планировал написать о каком-нибудь библиофиле. Но жизнь меня подправила, и теперь не могу отказать себе в желании написать хотя бы небольшой очерк о Владимире Константиновиче Семибратове из г. Кирова.

Знаком я с ним лишь по переписке и немногим более одного года. Однако восхищён этим сравнительно молодым (ему 22 декабря 2009 г. исполнилось 50 лет) библиофилом. В Организации российских библиофилов состоят лишь несколько человек моложе его. А самым молодым членом ОРБ является Мария Михайловна Богданович. Ей 31 год.

Откровенно говоря, библиофилом не может быть двадцатилетний человек, разве только гений.

Биография моего героя очень интересная...

Родился Володя в крестьянской семье в Кировской области. После окончания средней школы сразу стал работать в сельской библиотеке, затем – заведующим автоклубом.

Отслужив два года в ракетных войсках стратегического назначения, он стал научным сотрудником в районном краеведческом музее. После окончания исторического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова Владимир Константинович в течение шести лет работал в областной газете «Кировская правда», сначала собственным корреспондентом, затем – заместителем ответственного секретаря. Здесь он окончательно осознал потребность посвятить себя изучению историко-культурного наследия и библиофильству.

Сейчас он – кандидат культурологии, доцент кафедры общегуманитарных дисциплин Кировского филиала Московского гуманитарно-экономического института, член Союза журналистов России, действительный член Организации российских библиофилов, член Международного клуба друзей Сент-Экзюпери.

Домашняя библиотека В. К. Семибратова в настоящее время насчитывает около 10 тыс. томов. В основном это книги универсального содержания и книги рабочие. Сам он пишет: *«Особое место занимает Петряевская полка, на которой у меня как собирателя Петряевяны сосредоточены практически все книги Евгения Дмитриевича и сборники с его работами, а также посвящённая ему литература. Личное знакомство с Петряевым весной 1977 года во многом повлияло на формирование моих библиофильских и краеведчес-*

ких интересов. Он подсказывал различные темы, давал советы... Во многом благодаря ему я по окончании исторического факультета МГУ предпочёл вернуться в родные края, сразу же стал активным членом учреждённого Е. Д. Петряевым клуба «Вятские книголюбы» при Кировской областной научной библиотеке им. А. И. Герцена... На заседаниях этого клуба мне с 1986 г. довелось выступить свыше 60 раз. Я был участником всех Петряевских чтений. Горжусь тем, что являюсь одним из лауреатов премии им. Е. Д. Петряева».

В. К. Семибратов является автором нескольких книг. Среди них: «Трифонов-обитель: заметки краеведа» (Киров, 1999), «Староверы фелосеевцы Вятского края» (М., 2006), «Библиофил, писатель. краевед» (М., 2008), «Этюды об Александре Грине» (Киров, 2008), «Книжность как феномен культуры» (Киров, 2008), в которых содержатся библиофильские сюжеты. Сейчас он работает над книгой «Книжная культура российского крестьянства во второй половине XIX – начале XX веков».

В сентябре 2008 г. Владимир Константинович провёл организационное собрание в Кировском филиале МГЭИ, создав Клуб любителей книги. Желаю ему успехов в организационной работе этого клуба.

А недавно В. К. Семибратов приятно удивил меня своими поэтическими способностями, признаваясь в любви к Антуану де Сент-Экзюпери:

*...А было мне всего пятнадцать лет,
Когда в мой мир иной ворвался свет.
«Военный лётчик» и «Ночной полёт»
Тогда читал я ночи напролёт,
И предо мной до утренней зари
Вставали люди Сент-Экзюпери,*

*И Маленького Принца светлый лик
В мой обиход таинственно проник.
С тех пор прошли года, года, года,
Но вновь я юным становлюсь тогда,
Когда меня с собой в «Ночной полёт»
Писатель-лётчик по ночам берёт.*

ПОЭЗИЯ ТВОРЧЕСТВА А. М. КОЛЧАНОВА

Н. И. Перминова

*Меркнет свет, и погоды
нет...*

*...но с колчановского листа
лёт мне в душу свой дивный
свет*

чёрно-белая красота.

Из давних стихов

Когда приходит время воспоминаний, невольно оглядываешься назад, нет, не на себя, а на тех, с кем прошла жизнь. И можно возблагодарить судьбу, что год за годом встречались люди неординарные и глубокие, а, главное, талантливые и не злые. Особенно среди старшего поколения, те, кто повоевал, или, пусть не в окопах, но захватил войну. В них были сдержанность, благородство и внимательность к людям. И мне, в то время начинающему журналисту, так важно было их одобрение и такт, с каким они направляли меня.

Проработав несколько лет на областном радио, я познакомилась с Аркадием Михайловичем Колчановым. Он привлекал журналистов. Придя к нему и записав несколько интервью о работе Кировского Союза художников, председателем которого он был, обычно не уходила сразу. За чаем завязывался интересный разговор о творчестве вообще и об особенностях работы художника. Говорили о технике гравюры, смотрели работы.

Как-то, расхрабрившись, я показала Аркадию Михайловичу новую рукопись стихов, он попросил её оставить. Через месяц позвонил, и я увидела на его столе оттиск свежей гравюры – первый весенний цветок – сон-трава. Она предназначалась на обложку моей книги. Окрылённая, я на завтра принесла её в наше издательство. Работа понравилась всем, но в Горьком, в нашем головном офисе Волго-Вятского книжного издательства, обложку не утвердили, там были свои расклады, о которых знать автору было не обязательно. Я очень переживала, главное, не знала, как сказать об этом художнику. А он, помолчав, стал успокаивать меня:

– Не огорчайтесь. Главное попробовать. Я же буду оформлять книги. Этому учился. Меня ещё попросят...

И просили – и горьковчане, и кировчане, и центральные издательства. Он прекрасно проиллюстрировал две книги стихов: «Василия Тёркина» А. Твардовского и лирику С. Есенина. Оформил два крупных издательских проекта в Кирове уже в новом веке: «Энциклопедию земли Вятской» и «Книгу памяти». А «Сон-трава»? Она побывала на выставках художника, тот же самый первый экземпляр до сих пор хранится среди моих реликвий. И сам художник, когда здоровье уже не позволяло работать в

А. М. Колчанов в мастерской

мастерской, написал свою книгу. Среди тех, кому он её подарил, была и я.

Помнится одна из первых поездок «Дней литературы и искусства» на северо-запад области, в Подосиновский и Лузский районы. Всем, кто знал о нашей, до сих пор, к сожалению, «нераскрученной» жемчужине, городе Лальске, хотелось попасть именно туда. Городок этот благодаря планировке и архитектуре сохранил свою чарующую прелесть. В сельском ПТУ преподавательница с учениками создавала музей, но и разочарование было – древние здания и церкви рушились, арочные окна купеческих торговых рядов были разломаны, строители переделывали их под обычные прямоугольные рамы.

Эти проблемы живо обсуждались нами вечером в лузской гостинице. Тон задавали наши мэтры – Е. Д. Петряев и А. М. Колчанов. И когда после ужина Аркадий Михайлович пришёл в номер, где они жили, с бутылкой коньяка, мы, зная непьющего Петряева, переглянулись. Им, побывавшим на одном фронте, где войной с Японией была поставлена точка в Великой Отечественной, было о чём поговорить.

Назавтра в районном комитете партии они не постеснялись доказательно высказаться перед хозяевами района о сохранении Лальска. Разговор получился не только полезным, но и с неожиданным продолжением – нам предложили поездку в Великий Устюг, вологодский город, ровесник Лальска, на который мы в своём разговоре ссылались. И был подарен день, когда вся наша немаленькая команда на теплоходе от Котласа плыла в Великий Устюг, гуляла по древнему городу, начинавшему уже тогда пусть робкую, но реставрацию. На па-

мять об этой поездке у меня осталась резная деревянная тарелка с автографами спутников и церквами Лальска, нарисованными дочерью Колчанова, Ольгой – тогда начинающим художником – которую он взял с собой в поездку.

Аркадий Михайлович гордился своими детьми. Все знали его бережное отношение к семье. Своих дочерей увлёк страстью творчества. Оля пошла по стопам отца – она известный график и педагог, оформитель книг. И в младшей он заронил искру. Раиса – прекрасная дымковская мастерица. Однажды в её мастерской я залюбовалась глиняным мужичком, а она нежно улыбнулась:

– Правда, похож на папу? Леплю, а он перед глазами. Когда мы переехали в Киров, жили в Порошино, он приносил моей игрушку, ставил на комод и рассказывал о ней. Я ею любовалась, держала в руках, и она стала делом моей жизни.

Аркадий Михайлович любил говорить о дочерях, а потом о внуках и зятях, тоже художниках. С теплотой вспоминал свою деревенскую родню, особенно отца – кузнеца по профессии, шутил, что и фамилия у него древняя, кузнечная. Деревенский паренёк, солдат, сельский учитель, взлелеявший мечту стать художником, он приехал в Киров из дальнего Шабалинского района уже не молодым, с семьёй и, благодаря своему таланту и удивительной работоспособности (вставал, как крестьянин, с восходом солнца), стал народным художником страны и основал ещё одну династию кировских художников.

Мы встречались в издательстве, на выставках, и нам было интересно говорить. О художниках, о развитии и разнообразии искусства. Однажды поспорили возле его работ. Промышленные

пейзажи, сделанные художником после поездки в Череповец, не вызвали у меня восхищения.

– А вы не подумали о том, что для тех, кто работает на заводах, а их немало, это близкая тема? И они могут любоваться этими индустриальными ритмами.

Позднее я не раз думала об этом и соглашалась, но всё же Колчанов-лирик мне был ближе. Вятская природа, среди которой он вырос и которую дотошно знал и любил до каждого малого листочка, словно по волшебству выплывала под его резцом на самшитовых досках и, пройдя через станок, являлась нам дивным образом – картиной мироздания.

Вспоминается, как мы встретились случайно на улице. Аркадий Михайлович, приехавший из Монголии, пригласил меня в мастерскую. И удивил – в мастерской были расставлены и развешаны его этюды в цвете. Они меня впечатлили. Бывавшая в детстве в приграничных с Монголией степях, я узнала краски степного пространства. Там каждая впадина, каждый холм, каждый куст и ковыль меняют цвет от игры ветра и облаков, поскольку они омываются удивительной прозрачности воздухом, идущим с Гималаев. Аркадию Михайловичу мои рассуждения были приятны, так как некоторые зрители его «переход» на цвет не приняли и не поняли. Самый «абстрактный» степной этюд хозяин подарил мне за понимание.

Мы жили неподалёку и чаще виделись на улицах, в писательской организации, где готовили к выпуску тома Энциклопедии земли Вятской, и всё

реже в мастерской. Однажды к концу рабочего дня художник зашёл ко мне в кабинет дома Витберга, где тогда располагалась писательская организация. В руках у него была гравюра в деревянной рамке «На Вятке».

– Прочитал ваши стихи и вдруг понял, что я вам подарю.

И я, глядя на гравюру, поняла, что он подарил мне тоже стихи. Настолько поэтична и многодумна была эта работа. Она висела у меня в той простой деревянной рамке, потом я вставила её в металлическую со стеклом. Картина, так мне хочется назвать этот небольшой квадратный лист, каждый раз преображалась. В прошлом году, наконец, нашла то, что хотела, – деревянную и глубокую тёмно-коричневую рамку с золотым ободком. И тут мне показалось, что, не имея цвета, она его приобрела: тёмные неохватные вятские леса уходят за горизонт и отражаются в тихих водах спокойной Вятки, маленькая деревушка то ли с колодезным журавлём, то ли со скворечником на шесте мирно дышит покоем, и плакучая берёза на первом плане, и точно узнаваемые до листиков силуэты разнообразных деревьев нашей тайги будто проплывают подо мной. Художник увидел всё это словно с птичьего полёта и позвал меня за собой.

– Всё же удивительно, – сказала я дочери, – что не живописец, а график всего двумя цветами – чёрным и белым – создал такой точный образ своей родины, нашей Вятки.

Мы смотрели и улыбались.

А утром позвонили, что Аркадия Михайловича в эту ночь не стало...